

Покинув оглушающий ревом зал, Ли Жун направился напрямиком к пожарному выходу.

Обычно во время съемок организаторы неохотно выпускали зрителей, чтобы лишнее хождение не портило кадр, поэтому у служебного прохода юношу попытались остановить. Но стоило ему предъявить бейдж персонала, как охранник, поколебавшись секунду, послушно отступил.

Коридор, ведущий за кулисы, был широким и залитым ярким светом ламп. Мимо то и дело пробегали сотрудники, вечно куда-то спешащие и чем-то озабоченные. В десяти метрах впереди располагались уборные, которыми сейчас пользовались в основном артисты и техники — зрителям вход сюда был заказан.

Ли Жун размял затекшую шею и плечи, с наслаждением вдыхая полной грудью. Воздух здесь казался куда чище и прозрачнее, чем в душном, наэлектризованном зале.

Он миновал туалеты и уверенно зашагал к гримеркам. Редкие встречные замедляли шаг, с любопытством оглядывая его. Вряд ли их смущало незнакомое лицо — на таких масштабных проектах всегда полно временных работников, которых никто не знает в лицо. Но внешность Ли Жуна была слишком незаурядной. Глядя на него, люди невольно задумывались: а не один ли это из участников? Конкурсантов была целая сотня, и персонал еще не успел запомнить каждого в лицо.

Путь за кулисы оказался свободным. По обе стороны коридора тянулись двери: комнаты отдыха, гримерные, репетиционные залы, студии для интервью... На каждой висела табличка, но за плотно закрытыми дверями царил тишина, скрывающая от посторонних глаз внутреннюю кухню шоу.

Лишь дверь в общую комнату ожидания была распахнута настежь. Там толпились те, кто еще только готовился выйти на сцену. По правилам съемок камеры должны были непрерывно фиксировать их лица — восторг, мандраж, слезы — чтобы позже редакторы могли нарезать из этого самый сочный материал.

Ли Жун прикинул, что Линь Цинь, скорее всего, находится именно там. Однако заходить в грин-рум, где и так яблоку негде было упасть, он не собирался. Поскольку его никто не останавливал, он продолжил неспешную прогулку по закулисыю.

Наконец одна из дверей открылась, и из нее, на ходу застегивая рубашку и дожевывая булочку, вышел молодой человек. Ли Жун узнал его — это был певец Фу Хуань, чей номер только что завершился. До проекта он занимался кавер-версиями и успел обзавестись в сети армией преданных фанатов, которые сегодня не жалели глоток, выкрикивая его имя.

Сейчас Фу Хуань выглядел изможденным. Он шел, опустив глаза, и явно не был настроен на общение — выступление выжало из него все соки. Ли Жун вспомнил, что парень заметно

нервничал на сцене и в одном месте даже не попал в такт.

Как только исполнитель отошел, Ли Жун сделал пару быстрых шагов и придержал закрывающуюся дверь. Фу Хуань, услышав движение за спиной, инстинктивно обернулся. Пару секунд он рассматривал вошедшего, тоже приняв его за конкурента. Правила приличия требовали хотя бы кивка, но сил на вежливость не осталось, и пока он колебался, Ли Жун уже скользнул внутри. Фу Хуань лишь вяло поскреб пальцами лицо, стянутое слоем грима, и побрел искать визажиста.

За дверью оказалась просторная комната отдыха. Вдоль стен тянулся ряд массажных кресел, а на столах в беспорядке громоздились горы снеков и даже стаканчики с лапшой быстрого приготовления. На креслах, растянувшись, лежали двое участников из тех, кто отстрелялся раньше всех.

Один из них, Чэн Цзэжуй, пел довольно посредственно, но обладал миловидной, почти детской внешностью. Ли Жун вспомнил, что на представление этого парня ушло не меньше двух минут — только для того, чтобы перечислить регалии его агентства. Один из судей даже в шутку назвал его своим «младшим братом» по компании. В мире шоу-бизнеса это был прозрачный намек для зрителей и прессы: этот мальчик под надежным крылом.

По сравнению с такими баловнями судьбы их Линь Цинь и впрямь выглядел одиноким и незащитным.

Ли Жун подошел к длинному столу, изучая ассортимент. Заметив аппетитные ананасовые пирожки из сетевой закусочной, он взял один себе и еще один прихватил для Цэнь Сяо. Но не успел он даже вскрыть упаковку, как в дверь бесцеремонно и громко затарабанили.

— Чэн Цзэжуй! Есть кто? Цзэжуй здесь?!

Стучали грубо, с явным раздражением. Очевидно, парня искали уже долго и были на грани взрыва.

Ли Жун увидел, как хрупкий юноша в массажном кресле недовольно сорвал с лица маску для сна. Глаза его были красными от недосыпа, лицо припухло, а грим местами размазался.

— Кто там еще? — буркнул он.

Спросонья люди редко бывают любезны, особенно когда их вырывают из короткого забытья наглым криком. Ради этого шоу он сутки не ел и не спал, и стоило ему прикрыть глаза на полчаса после выступления, как его тут же настигли.

В следующую секунду сотрудница шоу без тени смущения распахнула дверь и вихрем влетела в комнату.

— Да где ты прячешься! О боже, что с лицом? Грим поплыл, всё отекло... Ты чем тут занимался?!

Чэн Цзэжуй едва сдерживал гнев, его брови сошлись на переносице:

— Я же уже дал интервью, что еще нужно?

Сотрудница опасливо покосилась на Ли Жуна и другого ошарашенного участника.

— Скорее приводи себя в порядок, живо! — прошипела она, не договаривая. — Нужно выйти к людям.

Цзэжуй, будучи «золотым» мальчиком крупного агентства, имел достаточно веса, чтобы показать характер:

— Ты сначала скажи, к кому это — «к людям»?!

Женщина всплеснула руками:

— Да какая тебе разница, знаешь ты его или нет! Президент Чжэн приехал!

Едва она договорила, как через щель в дверях донесся шум оживленного коридора. Она нервно обернулась и, не тратя больше слов на уговоры, просто вцепилась в локоть парня:

— Всё, некогда отек снимать. Пошли как есть!

Ослабевший от усталости Чэн Цзэжуй, вяло сопротивляясь, позволил утащить себя вон.

Ли Жун, разумеется, не мог упустить возможности полюбопытствовать. Бросив пирожок на стол, он последовал за ними. Остальные участники остались в комнате, лишь один из них робко окликнул его:

— Ты куда? Звали-то Цзэжуя.

Ли Жун лишь усмехнулся:

— Ты ведь артист. Неужели тебе не интересно посмотреть на то, что есть у других, но чего нет у тебя?

Парень лишился дара речи, а юноша уже скрылся за дверью.

В коридоре собралась внушительная толпа, плотным кольцом окружившая кого-то важного. Ли Жун вытянул шею, заглядывая через плечи.

В центре внимания оказался мужчина средних лет. Лицо его было круглым, а широко расставленные виски в сочетании с близко посаженными глазами придавали ему странное, сосредоточенное выражение. Волосы были выстрижены очень коротко у ушей и постепенно удлинялись к макушке — видимо, парикмахер пытался визуально вытянуть слишком круглое лицо, но потерпел фиаско. В этом образе мужчина напоминал колючий арбуз.

Почти незаметные брови проступали лишь там, где кожа собиралась в морщины. Веки тяжело нависали над глазами, зрачки которых косили вверх, обнажая широкую полоску белка. Кожа от природы была смуглой, а на запястье поблескивал массивный золотой браслет. Несмотря на приземистую, плотную фигуру, он умудрился втиснуться в облегающую водолазку для гольфа, из-за чего стал похож на тыкву, обтянутую воздушным шариком.

Ли Жун мгновенно узнал его. Это был Чжэн Чжупань, глава биотехнологической компании «Сухэ». В этот момент бизнесмен о чем-то громко разглагольствовал, по-хозяйски указывая пальцем на артистов:

— Так... вот этот. И еще... позовите еще пару ребят, поужинаем вместе.

Ли Жун заметил, что Фу Хуань уже стоял рядом с бизнесменом. Тот, видимо, слышал его имя, а потому лично отобрал для компании. Однако лицо певца было бледным — далеко не каждый готов сразу принять правила игры с «сопровождением» инвесторов на ужинах.

Юноша аккуратно придержал за локоть одну из проходивших мимо сотрудниц и негромко спросил:

— Не подскажете, что это за господин Чжэн?

Девушка удивленно моргнула, глядя на незнакомого красавца, но невольно ответила:

— Президент Чжэн? Он один из главных инвесторов нашего проекта. У него доля в прибыли.

Ли Жун задумчиво прищурился. Теперь понятно, почему название биотехнологической компании «Сухэ» не мелькало в титрах среди спонсоров — он не просто покупал рекламу, он был совладельцем.

— Президент Чжэн! Вот он, Чэн Цзэжуй! Нашли!

Та самая женщина наконец протиснулась сквозь толпу, таща за собой хмурого Цзэжуйя, и с заискивающей улыбкой представила его боссу.

Чжэн Чжупань нахмурился, оглядывая парня с головы до ног, словно придирчивый покупатель на мясном рынке. Он причмокнул губами, выпятив живот, и выдал вердикт:

— Директор Чжай любит изящных, ухоженных мальчиков. А этот... Что за вид? Лицо всё распухло. Нет, этот не годится.

Чэн Цзэжуй замер, ошеломленный такой наглостью. Его даже не спросили, хочет ли он куда-то идти, не поинтересовались его согласием, а просто с ходу забраковали, пройдясь по внешности. Остальные участники, наблюдавшие за сценой, помалкивали, но в душе многие злорадствовали.

Каждый в этом закулисье понимал: есть «принцы» с капиталом за спиной, которым гарантировано экранное время и место в финале. Цзэжуй был из их числа — породистый, из крупного агентства, с чистым личиком... которое подвело его в самый неподходящий момент. Видеть, как унижают такого «фаворита», было для многих удовольствием, и никто не спешил ему соперничать. Скорее наоборот, привередливость Чжэн Чжупаня даже забавляла.

Ли Жун же зацепился за имя, брошенное бизнесменом.

«Директор Чжай? — пронеслось у него в голове. — Кто это, раз сам Чжэн Чжупань так лезет из кожи вон, потакая её вкусам?»

Между тем Чжэн Чжупань, потеряв интерес к заспанному Цзэжую, принялся высматривать новую жертву в комнате ожидания. Персонал не смел ему перечить, безропотно расступаясь и образуя живой коридор. Инвестор, явно торопясь, вошел внутрь.

Операторы бэкстейджа, почуяв неладное, тут же прекратили съемку, чтобы не запечатлеть лишнего. Конкурсанты, ожидавшие выхода на сцену, один за другим поднимались с мест, растерянно глядя на незваного гостя.

Среди них был и Линь Цинь.

До его выступления оставалось всего два номера — от силы час. Он заметно нервничал, мелкими глотками попивая воду из бутылки и пытаясь унять дрожь. В тот момент, когда вошел Чжэн Чжупань, парень как раз опускал бутылку. Его губы еще были влажными, а во взгляде читалось полное недоумение.

Грим Линь Циня был легким — природа щедро наградила его, а для лирической песни, которую он выбрал, не требовалось ярких красок. Нежный образ идеально соответствовал настроению номера. Взгляд Чжэн Чжупаня прикипел к юноше. Осмотрев его пару секунд, он бесцеремонно ткнул пальцем:

— Вот. Ты. Собирайся, пойдешь со мной.

Линь Цинь замер, ничего не понимая, и бросил умоляющий взгляд на сотрудников шоу. Одна из них, виновато улыбаясь, попыталась осторожно возразить:

— Президент Чжэн, этот участник вот-вот должен выйти на сцену. У нас жесткий график записи, может быть... выберем кого-то из тех, кто уже выступил?

Чжэн Чжупань недовольно отмахнулся:

— Поставьте кого-нибудь другого. Он выступит в следующий раз, какая разница.

Сотрудница замаялась. Ей хотелось сказать, что сегодня — второй и последний день записи первых прослушиваний. Группа Линь Циня — завершающая. Третьего шанса не будет: если он пропустит выход сейчас, он вылетит из проекта. Но перечить разгневанному бизнесмену было страшно.

— Может быть... — пролепетала она, — мы выпустим Линь Циня сейчас, вне очереди? Он споет и сразу поедет с вами?

Чжэн Чжупань, который привык, что мир вращается вокруг него, окончательно вышел из себя:

— Я что, ждать его должен?! Снимите его выступление позже и вмонтируйте. Где режиссер? Где продюсер? У вас что, элементарной гибкости нет?!

Женщина втянула голову в плечи. Досъемка в пустом зале? Это же невыносимо. Ради одного участника снова собирать судей и массовку? Полный бред. Придется брать кадры с реакцией жюри из других номеров и «клеить» их к выступлению... Но такое решение нужно согласовывать с кучей отделов, она не могла взять это на себя.

Линь Цинь наконец осознал, к чему клонит этот человек. Сжав в руке пластиковую бутылку, он произнес вежливо, но твердо:

— Спасибо за ваше приглашение, но я хочу честно завершить соревнование.

Чтобы подчеркнуть серьезность своих слов, юноша даже слегка поклонился.

Чжэн Чжупань уставился на него ледяным взглядом:

— Ты что это, отказываешься? Ты хоть понимаешь, что мне ничего не стоит стереть в порошок такого недомерка, как ты? Ты вообще планируешь дальше работать в этой индустрии или как?

После этих слов даже сотрудница притихла. Она опустила голову, избегая встречаться

взглядом с Линь Цинем. Против лома нет приема — она не собиралась рисковать местом ради случайного паренька. Главное, чтобы гнев инвестора не пал на неё, а участь конкурсанта была предрешена.

Другие участники, почувствовав, как воздух в комнате сгустился от напряжения, незаметно попятились, увеличивая дистанцию между собой и попавшим в опалу товарищем. Они не знали, действительно ли этот человек может ломать судьбы, но проверять на себе не хотели. Сочувствие — вещь хорошая, но лучше хранить его глубоко в душе. Входя в этот бизнес, нужно быть готовым ко всему, верно?

Круг вокруг Линь Циня разомкнулся, пространство вокруг него вдруг стало пугающе свободным. Холодный поток из кондиционера ударил ему в спину, и он невольно вздрогнул. Подросток плотно сжал губы, застыв в нерешительности. Впервые в жизни он столкнулся с подобным. Глядя на властного, самоуверенного человека перед собой, он на мгновение по-настоящему испугался. Чжэн Чжупань вел себя так нагло и безнаказанно, что не оставалось сомнений: шоу легко пожертвует любым участником.

И в этот момент тишину прорезал знакомый, удивительно спокойный и мелодичный голос:

— Он не пойдет. Но зато я не прочь составить вам компанию.

Ли Жун, раздвинув толпу, вошел в комнату. Он будничным жестом задвинул Линь Циня себе за спину и с легкой улыбкой посмотрел на разъяренного Чжэн Чжупаня.

Глаза Ли Жуна с мягким разрезом и едва заметной поволокой сияли, и хотя на нем не было ни грамма грима, он затмевал любого из присутствующих здесь артистов. А эта небрежная, почти ленивая полуулыбка на губах делала его совершенно чужим в этой толпе напуганных, ищущих спасения людей.

Бизнесмен на мгновение опешил, во все глаза разглядывая подошедшего.

Надо признать, этот юноша подходил под вкусы Чжай Нин куда больше всех предыдущих. Чистый, изысканный, он не нуждался в тонне пудры, чтобы выглядеть великолепно, и в нем не было ни капли той провинциальной забитости. Инвестору показалось, что лицо парня ему знакомо, но через него проходило столько смазливых мордашек, что он не придал этому значения. О Линь Цине он забыл в ту же секунду.

— Ладно, идешь ты, — бросил Чжэн Чжупань.

Сами по себе юные актеры его не трогали, он лишь выполнял поручение директора Чжай, но не мог не признать: этот парень чертовски хорош собой. Если окажется не дураком и будет знать свое место, в будущем из него может выйти толк.

Пальцы Линь Циня похолодели, он мертвой хваткой вцепился в одежду Ли Жуна, голос его дрогнул:

— Староста...

Друг завел руку за спину и успокаивающе похлопал юношу по ладони. Высвободив край одежды, Ли Жун негромко произнес:

— Всё в порядке. Сосредоточься на выступлении. Он мне ничего не сделает.

<http://bllate.org/book/15351/1502632>